

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-97-107

УДК 297.1+398

Содержание статьи

Информация о статье

*А.Р. Гаширова*¹

Введение
Коранические и библейские
сюжеты и образы в фольклорных
текстах лезгин
Заключение

Поступила в редакцию: 13.06.2018.
Передана на рецензию: 17.06.2018.
Получена рецензия: 25.08.2018.
Принята в номер: 10.02.2019.

Художественное отражение коранических и библейских сюжетов и образов в фольклоре лезгин

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; aida.2015@yandex.ru

В статье выявляются особенности воплощения коранических мотивов, рассматривается объективное отражение особенностей исламской философии в устном народном творчестве лезгин. Отмечается взаимодействие лезгинских легенд и преданий с целой системой древних религиозных традиций, связанных с архаикой. Актуальность данной темы обусловлена интересом к проблеме осмысления духовных и культурных основ, а также она дает наиболее полное представление об истории лезгинского фольклора. Во многих фольклорных произведениях, особенно в религиозных легендах, использованы библейские сюжеты и пересказы хадисов из Корана. Их главными персонажами становились пророки, сподвижники, святые, ангелы и т. д.

Для сравнительно-сопоставительного анализа и углубленного понимания религиозных представлений лезгин автор использует ранее опубликованный материал и тексты из личного архива. При рассмотрении фольклорных текстов лезгин на религиозную тематику автор пользовался методом компаративистики, т. е. сопоставлением коранических сюжетов, аятов, хадисов с народными текстами.

Ключевые слова: *коранические образы, библейские сюжеты, реминисценция, заимствование, лезгинский фольклор.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-97-107

UDC 297.1+398

Content of the article

Information about the article

*A.R. Gasharova*²

Introduction.
The Christian concept of sin and salvation.
Conclusion.

Received: 13.06.2018.
Submitted for review: 17.06.2018.
Review received: 25.08.2018.
Accepted for publication: 10.02.2019.

¹ *Аида Руслановна Гаширова* – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора; Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН.

² *Aida Ruslanovna Gasharova* – Cand. Sc. (Philology), Researcher at the Institute of Language, Literature and Art, G. Tsadasa Dagestan Research Center, RAS.

Artistic Reflection of Qur'anic and Biblical Subject Matter and Images in Lezgin Folklore

Institute of Language, Literature and Art, DSC of RAS; aida.2015@yandex.ru

The author identifies the features of the embodiment of Qur'anic motifs and considers the objective reflection of Islamic philosophy in the oral folklore of Lezgins. The interaction of Lezgin legends and traditions with the entire system of ancient religious traditions associated with the antiquity is noted. The relevance of this subject lies in the value of understanding people's spiritual and cultural foundations through recreating the history of Lezgin folklore to the fullest extent possible. In the folklore, especially in religious legends, Biblical scenes and retellings of hadith from the Qur'an are often used. The main characters are the prophets, followers, saints, angels, etc. For a comparative analysis and in-depth understanding of Lezgins' religious views, the author uses earlier published materials and texts from her personal archive. Considering Lezgin folklore texts on religious topics, the author applies the method of comparative studies, i. e. compares Qur'anic subjects, ayats, and hadiths with folk texts.

Keywords: *Qur'anic images, Biblical scenes, reminiscence, borrowing, Lezgin folklore.*

Введение

Нередко в народном фольклоре при создании удивительных по силе своего психологического воздействия художественных образов и сюжетов использовались религиозные исламские мотивы. Для мусульман Коран, в котором содержится перечень норм поведения верующих, кодекс правил, запретов, указаний в виде аятов, легенд и нравоучительных притч и пр., является важнейшим источником, трактующим основные положения ислама. Ряд коранических сюжетов и образов сродни библейским рассказам о пророках. Содержание многих из них в фольклорных текстах трансформировано, но сохранены важные (несущие) элементы и имена главных персонажей. Это: пророк Мухаммад (*Мегьамед пайгьамбар*), Иса (*Айса*), Али (*Гьазрет-Али*), Гасан и Гусейн (*Гьасанни Гьусейн*), Соломон (*Сулейман*), Адам (*Гьетем*), Джабраил, Хизр (*Хидир-Неби*), Лукман (*Лукьман-Гьаким*), Азраил, Сатана (*Иблис*), шайтан (*шейтлан*). Потому в нашем исследовании уделено внимание вопросам заимствования как библейских сказаний, так и коранических сюжетов и образов в фольклорных текстах, для которых характерны разнообразные способы и методы. К числу таких методов можно отнести, к примеру, реминисценции, аллегории при толковании аятов, выполняющие функцию художественных приёмов, и переосмысление преданий о пророках и ангелах и т. д.

Цель статьи – определить пути и способы идейно-художественного отражения коранических истоков в жанровой структуре лезгинского народного творчества. Влияние коранических и библейских образов и сюжетов, а также этических и эстетических канонов на устное народное творчество остается мало изученной стороной культурного наследия лезгин. Рассмотрение данного вопроса представляется весьма актуальным для воспроизведения наиболее полной картины истории лезгинского фольклора.

Коранические и библейские сюжеты и образы в фольклорных текстах лезгин

Воздействие мусульманских религиозных идей, переосмысление мифологических сюжетов и образов в лезгинском фольклоре больше всего отразилось на жанре легенды. Наиболее полно некоторые попытки анализа религиозных легенд обнаруживаются в работе А.М. Ганиевой [1, с. 170–181]. По тематике эти религиозные легенды можно классифицировать на легенды о пророках, о святых и праведниках, на космогонические и

др., а сами образы и сюжеты, использованные в лезгинских фольклорных текстах, – на библейские сказания, доисламские предания, коранические легенды. Коранические мотивы (приведение аятов, заимствование сюжетов, пародирование образов) в самих народных текстах, условно нами делятся на две категории: те, которые используются для указания на божественные и духовные качества персонажа с целью возвеличивания, восхваления; и те, в которых воспроизводятся религиозно-философские и морально-нравственные взгляды.

Главным героем, чей образ окружен множеством религиозных легенд и преданий, является пророк Мухаммад. Как известно, связующим звеном между Всевышним и пророком Мухаммадом являлся ангел Джабраил. Лезгинская легенда «Пророк и ангел» (*Пайгъамбарни малаик*)³ в своей основе перекликается с известным сюжетом мусульманского религиозного предания «о ночном путешествии», «вознесении» пророка Мухаммада, изложенного в Коране (Сура Аль-Исра, аят 17).

В лезгинском варианте народной легенды повествуется о том, как пророк Мухаммад взобрался на коня и в сопровождении ангела оправился на небо: «Добравшись до третьих небес, пророк обратился к ангелу: "Я не имею права идти дальше. Ты иди, а если тебе понадобится помощь, я помогу тебе"».

Как видим из содержания легенды, в ней упущены ключевые составляющие первичного текста, искажена сюжетная линия повествования, а также иначе интерпретирован конец легенды. Далее в ней говорится о том, что Аллах сказал ангелу передать людям, чтобы те совершали в день сорок намазов. На что пророк говорит ангелу: «Ты скажи, что люди не смогут совершать намаз сорок раз в день, пусть назовет меньшее количество!». Остановились на том, чтобы «люди стали молиться пять раз в день»⁴. Таким образом, в легенде объясняется, почему надо молиться пять раз в день.

Мотив чудесного рождения и вознесения на небеса представлен и в религиозной легенде «О рождении пророка Исы» (*«Айса пайгъамбар хайвал»*)⁵, в которой рассказывается о мужчине, опечаленном тем, что у него нет сына. С мольбой он обратился к Всевышнему и поклялся, что «если Аллах даст ему ребенка, то он устроит его сторожем в мечеть. Через некоторое время жена родила ему дочь – Марьям»⁶. Вскоре Марьям забеременела. Она родила мальчика. Все осуждали ее, разговоры вокруг рождения ребенка не умолкали. Когда ребенку исполнилось три месяца, Марьям вышла с ним к людям и воскликнула: «О, люди, спросите у самого ребенка, как он появился на свет, он ответит». Трехмесячный ребенок ответил: «Меня создал Аллах. Меня зовут Иса»⁷.

Идентичный сюжет мы находим в «Повествовании о рождении пророков Яхьи, сына Закарьи, и Исы (мир им)» [8, с. 274–277], где точно указываются имена родителей Марьям (Имран и Ханна), ее опекунов (пророк Закарья и Айша, а позже и плотник Юсуф). Рассказывается о месте (пещера), где перед Марьям в человеческом облике предстал ангел Джабраил, который «дунул в рукав ее платья, и тотчас же Марьям забеременела. ... для людей, Иса появился в утробе матери без отца»⁸. Далее религиозное повествование и его фольклорное переложение перекликаются, только с тем отличием, что заговорившему перед народом младенцу было не три месяца, а сорок дней. Ребенок воскликнул, что он «Абд Аллах, т. е. раб Аллаха»⁹.

³ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21, ф. 9, оп. 1. Зап. А. Гашарова со слов Т. Саидовой, уроженки сел. Хуля Ахтынского района 1934 г. р., в 2002 году.

⁴ Там же.

⁵ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. А.М. Ганиева в сел. Ахты Ахтынского района.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. А.М. Ганиева в сел. Ахты Ахтынского района.

⁹ Там же.

В процессе длительного бытования в силу формирования стихийно-материалистического освоения мира многие легенды подвергались трансформации, приобретая установку на вымысел, что было связано с заметным возрастанием эстетической функции. На раннем этапе развития общественного сознания историческое освоение мира находилось в синкретическом единстве с мифологическим, поэтому многие фольклорные тексты носят мифический характер. Примером может послужить мотив непорочного зачатия, получивший распространение во многих ортодоксальных религиях. Чаще всего такого рода произведения обрастают местными легендами и мистическими элементами, а обрастают коранические сюжеты органически сливаются с домусульманскими верованиями.

Согласно мусульманской традиции, первым из пророков является Адам, персонаж, навеянный большим количеством коранических и библейских сюжетов и образов. В лезгинском варианте религиозной легенды «О зарождении мира и жизни» (*Дуьньядикай ва уьмуьрдикай*) [1, с. 178–179], повествующей о пророке Адаме (*Гьетем*), за основу взят трансформированный библейский сюжет о сотворении мира (космогонический), об умирающей и воскресающей природе (элементы из мифологии) и о первом мужчине (этнологический). Один из вариантов легенды гласит: «Первоначально мир был заполнен водой. Когда образовалась суша, то первым существом, спустившимся с горы, был богопослушный мужчина Гьетем (Адам). Ему Аллах сохранил жизнь, когда всех остальных он уничтожил, решив очистить землю от всякой нечисти. Для этого на землю спустился ангел Джабраил (Гавриил) к богопослушному человеку». По совету «наставника всех пророков» старик должен был уйти на самую высокую святую гору, пока «вода не покроет полностью всю землю». Джабраил раскрывает волю Аллаха Пророку: «Всех людей ждет смерть. Аллах решил наказать грешников». Сильный ветер подхватывает старика и уносит на вершину горы Шалбуздаг¹⁰. Сюжет легенды народ адаптирует к местным реалиям, вкладывает местный топоним (название горы), подчеркивая этим локальность легенды и сакральность горы¹¹.

После семи дней и ночей Адам спустился с горы. Он долго молился за всех грешников. Тогда «Аллах заселил чистую землю людьми, но на этот раз они должны были быть честными, добрыми, верными, умными. Вести себя так, чтобы не вызвать своими поступками гнев у Аллаха, ибо во второй раз, если наступит "конец света", он уже не сохранит жизнь ни одному человеку, от которого возродится жизнь людская». В этой легенде раскрываются и религиозное мировоззрение народа, что проявляется в упоминании о «конце света» (эсхатологический мотив, мусульманское представление о загробном мире), и общечеловеческие нравственные представления. Легенда трансформирована и дошла до нас с некоторыми искажениями в содержании. Как известно, сюжет «всемирного потопа», «заселения земли новыми безгрешными людьми» связан с именем пророка Нуха (Ной). Согласно Корану, именно Нух был послан Всевышним к нечестивцам (Сура 71 «Нух», аят 28).

Особо популярным на мусульманском Востоке является специфический жанр – «жизнеописание», который получил распространение и в фольклоре лезгин. В жизнеописаниях изображен жизненный путь сподвижников, последователей, святых, праведников. Так, в различных жанрах лезгинского фольклора представлен образ четвертого халифа и зятя пророка – Али. В народном понимании это бесстрашный воин, мифический герой, прославившийся многочисленными подвигами. В лезгинской

¹⁰ Шалбуздаг – гора в Южном Дагестане. В народе гору Шалбуздаг считают священной. В летние месяцы гора становится местом паломничества тысяч верующих.

¹¹ Подробнее см.: Гусенова Д.А. Шалбуздаг – исламская святыня Дагестана: аргументы «за» и «против» // Исламоведение. – 2013. – № 2. – С. 76–83.

религиозной легенде «Хазрат¹²-Али» («Гъазрет-Али»)¹³ повествуется о следующем: «Однажды Али собрался на газават с кяфирами. Он спустился во двор, оседлал своего Дулдула и садился на него, когда к нему подошла Фатимат, поддержала ему стремя и посадила его на коня. Вот тогда Али поклялся, что пока он не убьет стольких-то кяфиров, и их кровь не поднимется до стремени, ... он не вернется с битвы домой».

Повествование содержит элементы легенд и преданий лезгинского народа, которые вобрали в себя описание чудес и восхваление героев. В них обнаруживается типологическое сходство, установленное наукой в эпическом творчестве разных народов: подробное описание героя («У Газрет-Али, говорят, было непривлекательное лицо. Волосы на голове торчали, как проволока, на лице была грубая черная щетина, ресницы и усы походили на метлу») и его чудесного коня («с быстротой молнии его конь Дулдул проскакал по полям кяфиров»), типическое описание поединка («Али так много рубил кяфиров, что реки их крови доходили до колен Дулдула»), гиперболизация физической силы (от его крика ребенок умирал в утробе матери; его меч был такой огромный, что мог надвое разрубить гору; «руки и пальцы его были такие сильные, что он двумя пальцами мог оторвать человеческую голову от плеч») и др.

Немаловажное место в легенде уделено и сыновьям халифа Али – Гасану и Гусейну. Они показаны не менее отважными и непобедимыми воинами, чем их отец. В ней повествуется о том, что, когда сыновья увидели обессиленного отца, то у них «от злости глаза налились кровью». Они так много убили кяфиров, что, говорят, «кровь их лилась рекой».

Аналогичный сказочно-мифологический мотив, обосновывающий сверхъестественную силу, чудесные перевоплощения и перемещения в пространстве, присутствует и в ряде других легенд и преданий. В них правдоподобный вымысел тесно переплетается с художественно и религиозно переосмысленными фактами.

В лирических песнях имя халифа Али выполняет функцию символа. Методом реминисценции имя представлено как прецедентное. Это имя-символ является эталоном ряда качеств (черты характера, мудрость, внешность, сила). Здесь внимание акцентировано на внешнем облике описываемого персонажа. К примеру:

*Пусть буду жертвой стана твоего, со станом стройным,
Ты Хазрат Али разве?
Как спелое яблоко в руку попался,
Тебя, чтоб упустить, разве я сумасшедшая? (букв. перевод)
Ви буйдиз кый, буйдиз шумал,
Вун Гъасрет Али яни?
Чрай ич хъиз гъиле гъатай,
Вун ахъайиз зун дели яни? [6, с. 94].*

Реминисценция как средство художественной выразительности речи существенно отличается от метафоры и сравнения, потому что для выявления реминисценции в данном четверостишии необходимо ознакомиться с кораническими преданиями, легендами и хадисами, посвященными халифу Али.

Необычное уподобление и сопоставление черт характера коранических образов (пророка Адама и халифа Али) с предметами быта мы прослеживаем в лезгинской загадке: «Айзарал зарзар¹⁴, с лязганьем играет, величие Адама, могущество Али (прялка для изготовления шерстяной нитки) // Айзарал зарзар, зангъарралди кьугъваз, Адаман гъайбат, Алидин кьудрат (чхра)».

¹² Хазрат (араб. حضرات) – уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом.

¹³ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Записал А. Фатахов со слов М. Курбанова в сел. Ахты Ахтынского района, в 1935 году.

¹⁴ Непереводимые словосочетания даны русской транслитерацией.

Среди героев послекоранических преданий особое место уделено образу Хидир-Неби (Хидир, Хизр, аль-Хидр, аль-Хадир), который воплотил в себе древние мифологические образы плодородия. Сюжет легенды «Хидир-Неби и бедняк» («*Хидир-Небини кесиб кас*») ¹⁵, представленный в лезгинском фольклоре, построен на повествовании об одном бедняке, который нанялся к богатому владельцу рисовых полей в надежде прокормить свою семью. Бедняк долго сокрушался о своей беспросветной жизни. Однажды он обратился к Всевышнему: «О, Аллах, хотя бы я встретил Хидир-Неби! Я бы его попросил хорошую работу». После этих слов перед ним предстал пророк Хидир в образе белобородого старца. Не поверив в мистическую силу пророка, бедняк с усмешкой сказал: «Если ты Хидир-Неби, может быть, моя лопата превратится в весло?».

Как только он произнес эти слова, лопата бедняка превратилась в весло, а старик как появился, так и исчез. Бедность продолжала его преследовать. После долгих мытарств он устроился чабаном. И в дождливые, и в солнечные дни бедняк ходил в рваных чарыках, через которые проходили вода и грязь. «Ах, – вздохнул он глубоко, – хотя бы я встретил Хидир-Неби, о, Аллах!».

В основе легенды мотив покаяния главного героя и чудесное небесное вознесение к Всевышнему. Хидир-Неби изображен как посланник Аллаха, «ангел добра», помогающий беднякам.

Интересной для нас представляется легенда «Судьба» («*Къисмет*») ¹⁶, в основе которой лежит повествование о пророчестве Хидира и Ильяса (отождествляется с библейским пророком Иллей). В композиционно-структурное построение и стиль изложения легенды включены отдельные элементы различных фольклорных жанров (предание, сказка). В ней рассказывается о супружеской паре, которая семь лет не имела детей. Однажды поздней ночью к ним постучались двое дервишей. Это были Хидир и Ильяс. В благодарность за то, что хозяйева дома приняли их с должным почетом, перед уходом они сказали: «Мы пророки Хидир и Ильяс. Пришли в этот дом, чтобы вписать в Книгу судеб этого ребенка и тут же уйти. Так мы и собирались сделать. Но... В такую тяжелую пору... вы, невзирая на наши нищенские одеяния, с таким гостеприимством, открытым сердцем приняли и приютили... Чем же нам отплатить за ваше добро и милосердие? Не имея на то позволения Аллаха, наш долг дать вам один наказ: когда сын подрастет и придет пора женитьбы, не допустите, чтобы невеста была из другого села. Если не выполните это условие, вы потеряете сына».

Пророчество сбылось, так как сын пренебрег наказом.

Сравнительно-идеализированный образ Иблиса (Сатаны) представлен в легенде «Пророк и Иблис» («*Пайгъамбарни Иблис*») ¹⁷. В ней говорится о том, «как наш Пророк задумал искоренить коварство. Он погнался за Иблисом, чтобы убить его. На крыше одного из домов Иблис останавливается и на вопрос Пророка, почему тот остановился, отвечает: «Под крышей этого дома спят мать с отцом, они могут проснуться». На что Пророк отвечает: «Если ты настолько уважаешь своих родителей, я тебя не убью». Функциональной ориентацией этой легенды можно считать почитание исламских догм даже самим Иблисом. Согласно сурам и аятам из Корана «почитание родителей – это путь к Раю» (Сура «Юсуф», аят 96; Сура «Ан-Нисаъ», аят 36). Можно предположить, что в данной легенде применяется одна из форм интертекстуальности – реминисценция, т. е. заключение глубокого толкования в малую форму. А, как известно, интертекстуальность «формируется посредством ссылки на первичный текст» [10, с. 11].

¹⁵ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. А.М. Ганиева в сел. Ахты Ахтынского района.

¹⁶ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. Ф. Вагабова со слов З. Магомедова в 1974 году в сел. Курах Курахского района.

¹⁷ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. А. Ганиева со слов З. Ганиевой в 1960 году в сел. Ахты Ахтынского района.

Наряду с традиционной религией существенная роль принадлежит и «народной» религии, в которой особое место занимает почитание святых мест. «Несмотря на то, что культ святых не предусмотрен исламом, он широко распространен в Дагестане и может рассматриваться как проявление «бытового» или «традиционного ислама» – своеобразной местной формы этой религии» [9, с. 18].

Существование святых мест и объясняет происхождение сакральных локусов – святых, местных святынь (*nIup*), что вызвано желанием верующего соприкоснуться с предполагаемым объектом поклонения. Сакральные места и дух святого в общенародном представлении наделялись сверхъестественными полномочиями. Многие из них известны далеко за пределами места расположения. Святыни могут носить также локальный характер (распространены только среди окрестного населения). Преобладающее большинство святых, вали Аллаха, представлены суфиями. Примером может послужить сюжетное повествование о жизни праведника Сулеймана. Нам удалось записать два новых варианта этой легенды [3, с. 367–369]. В их содержании явно выражено мистическое и духовное начало. «Народ, по-своему пытаюсь объяснить происхождение могилы святого на склоне горы Шалбуздаг, передает легенду с верой в правдивость. Это своего рода народная версия о событиях прошлого» [3, с. 372].

Интересными представляются отдельные эпизоды, касающиеся рождения и захоронения («Налетела стая белых голубей, они подхватили ковер, подняли его с телом покойного и понесли в гору») святого. Как видим из текста, сюжет с белыми голубями носит довольно устойчивый, постоянный характер. Птица как символ души – распространенный религиозный и фольклорный мотив у многих народов мира. В ряде традиций голубь выступает как символ души покойного, небесный вестник. В исламе голубь также очень почитаемая птица. Голуби помогли укрыться Пророку от погони, свив гнездо у входа в пещеру, где он находился. Известно, что и в христианских легендах дух Божий также сошел на землю в образе голубя. Библейский мотив в изображении голубя связан и с участием голубя в истории потопа, когда эта птица прилетела с ветвью оливы на Ноев ковчег. Во многих легендах души праведников обретали вид голубей.

Рассматривая оба варианта легенды о святом Сулеймане, можно убедиться, что они передают языческие и мусульманские верования народа. Действительность в легендах о «Святом Сулеймане» изображается в соответствии с мировоззрением народа на данном этапе его исторического развития. Сюжеты отражают и отголоски домусульманских образов, в частности, в них упоминается имя «Сулейман», сходное с именем библейского пророка, мудрого Соломона. В одном из вариантов легенды прослеживается заимствование сюжета – святому Сулейману, как и пророку Сулейману (Соломон), «Аллахом была дарована способность понимать язык птиц и зверей» [8, с. 255]. Хотя во многих религиозных легендах рассказывается «о чудесных, необыкновенных событиях, в то же время рассказчик и слушатели не допускают мысли о невероятности легендарного повествования, поскольку в нем утверждаются морально-этические нормы господствующей религии» [12, с. 10].

Зачастую к рангу святых причислялись и реальные исторические лица. Так, в лезгинском народном творчестве представлен цикл легенд и преданий, описывающих духовный облик богослова, алима, основателя мюридизма на Кавказе, духовного предводителя движения горцев на Кавказе Магомеда Ярагского. В народе религиозному деятелю приписываются мистические способности, выходящие за пределы человеческого понимания. «Под влиянием ислама канонизированный образ Магомеда Ярагского, подобно образам суфийских шейхов, наделяется даром провидения, способностью творить ... чудеса, что производило потрясающее впечатление на окружающих» [11, с. 27]. В легенде «Пир Яраги» («*Пир Ярагъи*») [11, с. 32–33] говорится о том, как однажды в горах Кураха, напротив местности под названием Хута, по пути к летним пастбищам, «Яраг Мухаммед

останавливался на косогоре, молился, повернувшись в сторону Шалбуздага, а потом прославлял Аллаха.

Путники также стали отдыхать на этом месте, молиться, поминать Яраг Мухаммеда. После таких деяний у людей с чистыми помыслами дела стали идти в гору, а мечты – сбываться. Поняв, что место, где молился Яраг Мухаммед, священо, курахцы воздвигли там надгробный памятник, который стал святыней». Как видим из сюжета, местом паломничества становились не только предполагаемые могилы святых, но и места их пребывания, совершения намаза и т. д.

Когда народ не может объяснить историю возникновения того или иного места поклонения, то святому месту (*nIup*) присваивается условно-описательное название. Например, как в легенде «Пастбище Яраги» («*Ярагъидин яйлах*») [11, с. 27–28], из содержания которой можно понять, что шейху Магомеду Ярагскому приписываются религиозно-мистические способности: за короткий срок преодолевать большие расстояния («Яраг Мухаммед, совершая у себя дома обеденную молитву, сердцем почуял беду, случившуюся с чабанами. Он неожиданно возник перед ними»), перевоплощаться, оставаться невидимым для широкого круга людей и т. д.

Стиль изложения легенды «Молочные родники» («*Некледин булахар*») ¹⁸ из этого же цикла основан на аллюзии, за основу в ней взят известный коранический сюжет: «Однажды Яраг Мухаммед пришел в горы Кураха проверить состояние своих овец. В полдень, когда наступило время для совершения намаза, не оказалось воды для омовения. Яраг Мухаммед ударил своим длинным посохом об землю, оттуда ударили два родника... Один чабаны назвали "Родником пресного молока", другой – "Родником кислого молока"».

Приводится переложённая кораническая легенда, напоминающая библейское сказание «Вода из скалы», когда пророк Моисей (Муса) ударил посохом по скале, и оттуда хлынула вода. Отголоски этих преданий можно найти и в греческой мифологии: от удара жезлом в скалу из твердого камня брызнула светлая струя воды [7, с. 48]. На основании этого мы можем предположить, что для данной легенды был характерен синкретизм языческих и мусульманских народных представлений и воззрений. «В них явственно видна безграничность фантазии их создателей, но в этом, возможно, и заключается особенность процесса становления культа святых и их сакрализация в народном понимании, которая продолжается и в современном фольклоре» [11, с. 31]. Однако с утверждением ислама архаические элементы были вытеснены мусульманской религиозной интерпретацией, в связи с чем происходит полное переосмысление древних сюжетов и образов.

Коранические и библейские заимствования характерны не только для религиозных легенд и преданий, но и для сказочных, поэтических и малых жанров фольклора. Широко представлен в лезгинском народном творчестве персонаж Хакима ¹⁹ Лукмана (*Лукман аль-Гъаким*), чей образ отождествляется с праведным мудрецом из мусульманских преданий, в уста которого в Коране вкладывается проповедь единобожия (Сура 31 «Лукман»). Образ Лукмана встречается в ряде афоризмов, поговорок, притч, а также в лезгинской народной бытовой сказке. Немалое место в традиционных фольклорных жанрах с религиозными мотивами уделено и образу ангелов. Так, в народных преданиях лезгин мы встречаем упоминание о Мункаре и Накире (в самом Коране их имена не называются), в малых афористических жанрах представлен образ ангела смерти Азраила.

О стремлении подчеркнуть религиозную идентичность в лезгинском народном творчестве свидетельствует широкое применение религиозных терминов (наличие арабо-мусульманских терминов в лезгинском языке – это вполне закономерное явление) в виде обращений, риторических вопросов, восклицаний, клятв, проклятий и благопожеланий:

¹⁸ Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 21. Ф. 9. Оп. 1. Зап. К. Акимов со слов Т. Саидова в 1997 году в сел. Курах Курахского района.

¹⁹ Хаким – мудрец.

*Наши братья в Баку,
О, Единый Аллах, ты их храни.
Чи стхаяр Бакудава,
Я, сад Аллагь, вал аманат [6, с. 102].*

В малых афористических жанрах фольклора лезгин (пословицы и поговорки) заложены нравственно-этические постулаты, утвержденные во многих религиях, в том числе и в исламе: «Халал и харам не путай» (Гьалални гьарам акадармир), «От харама добра не будет» (Гьарамдикай хийир жедач), «Аллах дал, Аллах забрал» (Аллагьди гана, Аллагьди хутахна) и др.

Мусульманские термины встречаются и в пословицах, отображающих моральные и человеческие нормы жизни: «Кто обращается к Аллаху во время намаза, тот и под пулями не остановится» (Аллагьдиз капI ийизвайди, гуьлле галукьайлани кьарагьдач), «Для Аллаха не свеча, для рая не чираг» (Аллагьдиз шем туш, женнетдиз чирагь), «Адский огонь и людской упрек равнозначны» (Жегьеннедин цIайни, элдин тегьне сад я), «Пусть Аллах сбережет от молчаливого» (Аллагьди вичи хуьрай кисайдавай), «Это тебе на хранение, а тебя пусть Аллах сбережет» (Им вал аманат, вун – Аллагьдал). Своеобразное человеческое видение сути вещей мы встречаем в народной загадке: «Вокруг море, посередине джаханнам²⁰ (самовар)» // Кьуд пад гуьул, юкьва жегьенне (самовар)». Широко применяется в фольклоре лезгин и символика чисел («три», «семь», «сорок»), характерная для мусульманской традиции и утвержденная Священным писанием.

Несмотря на попытки в советский период представить народ в антирелигиозном свете, фольклорные «тексты, созданные под влиянием государственного атеизма и атеистической идеологии <...> не следует рассматривать как отражение народных настроений» [2, с. 77], потому что ислам – это не только религия, но и правила жизни, обычаи и устои, по которым веками строился мир горцев. Забвение общечеловеческих ценностей, заложенных в религии, может привести к бездуховности и потере нравственных ориентиров.

Говоря об отображении различных аспектов в фольклорных произведениях, Н.А. Криничная отмечает, что «определенной ступени человеческого сознания соответствует свой способ эстетического и рационалистического освоения мира, свой критерий вымышленного и достоверного, фантастического и исторического» [5, с. 9]. Эти слова можно по праву отнести и к лезгинскому фольклору.

Заключение

При попытке выявления особенностей воплощения религиозных мотивов в устном народном творчестве лезгин нами обнаружено, что сюжеты, взятые из коранических и библейских легенд, послужили основой многих фольклорных жанров: несказочная проза (религиозные предания, легенды), четверостишия, малые дидактические и афористические жанры (притчи, пословицы, поговорки, загадки). Это жизнеописания пророков и их сподвижников, зарождение мира на Земле, нравственно-этические постулаты, различные истории из жизни праведников и вали Аллаха, указывающие на их сверхъестественные силы. Мотивировка художественного применения религиозных преданий и легенд восстанавливается при рассмотрении специфики восприятия людьми в древности причинно-следственных связей.

Литература

1. Ганиева А.М. Очерки устно-поэтического творчества лезгин / отв. ред. Г.Г. Гашаров. – М.: Наука, 2004. – 239 с.

²⁰ Джаханнам – у мусульман: ад, место пребывания всех грешников и неверных.

2. *Гашиарова А.Р.* Антиклерикальные мотивы в фольклоре лезгин // *Исламоведение*. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 72–80.
3. *Гашиарова А.Р.* Легенды о святом Сулеймане в лезгинском фольклоре // *Фольклор народов Северного Кавказа в контексте Евразийского диалога культур // Материалы Межд. научно-практической конференции к 75-летию учёного-фольклориста, профессора А.М. Аджиева*. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2017. – С. 367–378.
4. *Гусенова Д.А.* Шалбуздаг – исламская святыня Дагестана: аргументы «за» и «против» // *Исламоведение*. – 2013. – № 2. – С. 76–83.
5. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. – Л.: Наука, 1987. – 225 с.
6. *Лезгинский фольклор: сборник текстов / сост. А. Гаджиев*. – Махачкала, 2008. – 536 с.
7. *Парандовский Я.* Мифология. Верования и легенды греков и римлян. – М.: Детская литература, 1971. – 272 с.
8. *Саид-афанди аль-Чиркави.* Истории пророков. Ч. 1. – Махачкала: Издательский дом «Нуруль Иршад», 2008. – 384 с.
9. *Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р.* Культ святых в исламе у табасаранцев: традиции и современность // *Исламоведение*. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 17–31.
10. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 193 с.
11. *Халидова М.Р.* Кавказская война в фольклоре народов Дагестана. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 440 с.
12. *Халидова М.Р.* Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. – 364 с.

References

1. Ganieva A.M. *Ocherki ustno-poeticheskogo tvorchestva lezgin*. [Essays on Oral Lezgin Poetry]. In G.G. Gasharov (Ed.). – Moscow, Nauka, 2004, 239 s. (In Russian).
2. Gasharova A.R. *Antiklerikal'nyye motivy v fol'klоре lezgin* [Anticlerical Motifs in Lezgin Folklore] // *Islamovedenie* [Islamic Studies]. – 2017. Vol. 8. № 4. S. 72–80.
3. Gasharova A.R. *Legendy o svyatом Suleymane v lezginском fol'klоре* [Legends of Saint Suleiman in Lezgin Folklore]. *V sbornike: Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza v kontekste Yevraziyskogo dialoga kul'tur. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, k 75-letiyu uchonogo-fol'klorista, professora A.M. Adzhiyeva* [In the Collection of works on the folklore of the peoples of North Caucasus in the context of the Eurasian dialogue of cultures. Proceedings of the International research to practice conference dedicated to the 75th anniversary of folklore scholar professor A.M. Adzhiev]. Makhachkala, IYALI DSC RAS, 2017. S. 367–378.
4. Gusenova D.A. *Shalbuzdag – islamskaja svyatynja Dagestana: argumenty «za» i «protiv»* [Shalbuzdag as an Islamic Shrine of Dagestan: Pros and Cons] // *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2013. № 2. S. 76–83.
5. Krynichnaya N.A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian Folk Historical Prose: Issues of Genesis and Structure]. Leningrad, Science, 1987, 225 s. (In Russian).
6. *Lezginский fol'klor: Sbornik tekstov* [Lezgin Folklore: Collection of Texts] / sost. A. Gadjiiev. Makhachkala, 2008, 536 s. (In Russian and Lezgin).
7. Parandovsky I. *Mifologiya. Verovaniya i legendy grekov i rimlyan* [Mythology. Beliefs and Legends of Greeks and Romans]. Moscow, Detskaya literatura, 1971, 272 s. (In Russian).
8. Said-afandi al-Chirkavi. *Istorii prorokov. 1-ya chast'* [The Stories of Prophets. Part 1]. Makhachkala, Nurul' Irshad, 2008, 384 s. (In Russian).
9. Seferbekov R.I., Seferbekov M.R. *Kul't svyatykh v islame u tabasarantsev: traditsii i sovremennost'* [The Cult of Saints in Islam with the Tabasarans: Traditions and the Present Time] // *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2017. V. 8. № 4. s. 17–31.

10. Smirnov I.P. *Porozhdeniye interteksta* [Intertext Generation]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1995, 193 s. (In Russian).

11. Khalidova M.R. *Kavkazskaya voyna v fol'klore narodov Dagestana* [The Caucasian War in the Folklore of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala, IYALI DSC RAS, 2013, 440 s. (In Russian).

12. Khalidova M.R. *Mifologicheskiy i istoricheskiy epos narodov Dagestana* [Mythological and Historical Epos of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, IYALI DSC RAS, 2018. 364 s. (In Russian).